

А Н А Р

*Как было б хорошо
без смерти и разлуки.
Пусть смерть - приказ Аллаха,
Хоть не было б разлуки.*

Гроб с двух сторон взяли на плечи четверо мужчин. Трое были в масках. Двое в черных масках, а один - в зеленой в крапинку. Четвертый был без маски, но сзади лица его не было видно. Крышка гроба открыта. Труп, лежащий в гробу, тоже был в маске. Зачем мертвому маска? Наверно, ему палели маску, чтобы он не заражал других, например, тех же гробовщиков. Кто знает? Может, он умер от коронавируса.

Они подошли к перекрестку. На светофоре загорелся красный свет. Они остановились. Цифры зеленого цвета сменили друг друга: семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... Загорелся зеленый свет. Несущие гроб спустились с трапу на дорогу. Запыхавшись, остановились и положили гроб на землю. Как только они положили гроб, их тут же настигла полиция. Полицейский, конечно, тоже был в маске.

- Здесь нельзя ставить гроб, это стоянка министерства, - сказал полицейский.

Тот, что нес гроб справа, снял маску. Это был Муртуз Баласвич.

- Ты с кем так разговариваешь? - сказал он, наезжая на полицейского, - я полковник.

Тот, что стоял за ним, тоже снял маску.

- А я майор КГБ, - сказал он. Это был Дадаш. Мужчина слева тоже снял маску.

- А ты, наверно, генерал, - сказал полицейский с иронией.

- Нет: Я кассир, - сказал дядя Сафлар.

- Я не знаю никакого генерала, адмирала. Все будете платить штраф, - сказал полицейский и сообщил куда-то по рации. Муртуз Баласвича, дядя Сафлара и Дадаша вдруг не стало. Нет, они не убежали, не удалились. Просто вдруг испарились, как сироб, растворились в воздухе. Приехал эвакуатор, которого вызвал полицейский. Рабочие в желтых формах загрузили гроб в эвакуатор. В этот момент труп, лежащий в гробу, поднял голову и начал орать: - Заур, Заур, иди сюда!

Заур, оказавшись, четвертым среди несущих гроб, был именно он, начал кричать:

- Нет, нет, Мамед Насир, не приду. Не зови, не приду, Мамед Насир!

Фирангиз подтолкнула Заура локтем и разбудила.

- Что ты кричишь, Заур? Вставай ну-ка.

- А что я кричал? - спросил Заур, протирая глаза.

- Не знаю, какого-то Мамед Насира звал. Он твой собутыльник? Ему уже наверно лет сто.

- Ну если и не сто, то 90 он уж точно перешагнул.

- И опять пьст.

- Ну да. Он говорит, что в мире старых алкоголиков больше, чем старых врачей.

Фирангиз улыбнулась.

- Это же не его слова. Помнишь, в Париже мы были в одном кафе. Там эти слова были написаны на стене. Нам перевели их и мы долго смеялись: - вздохнула Фирангиз и продолжила: - Ох, какие были времена... Как будто все это было во сне...

- Может быть я рассказал Мамед Насиру. Он так часто повторяет это... - сказал Заур.

Он встал, сходил в туалет, потом умылся, почистил зубы. Пасты осталось совсем на дне тюбика. С трудом выжал немного пасты и подумал: "Завтра мне надо купить пасту".

Он прошел в комнату и сел за стол. Фирангиз налила ему чай в армучи стакане.

- Опять увеличилось число умерших, - сказала она, - какая же дрянь этот коронавирус. Погубит он нас всех.

- Не каркай! - сказал Заур, откусив кусок бутерброда с сыром.

- Не слышишь, что говорят по телевизору? Доказали стопроцентно, что это искусственный вирус. Специально изобрели в Китае. Уничтожат все население мира. Китаю-то что? Половина вымрет, останется вторая половина. Не знаю сколько-то миллионов. Горе нам. Рано или поздно мы все умрем.

Заур чуть не подавился бутербродом, поперхнулся и еле проглотил кусок.

- Я же сказал, не каркай! Умрем умрем да. А что заранее поминки устраивать? - сказал он.

- Если даже все умрут, Мамед Насир останется жить, чтобы пить водку вместе с тобой, - сказала Фирангиз.

Заур сделал вид, что не слышал про водку.

- Да услышит тебя Аллах! - сказал он, - вот уже месяц, как я о нем ничего не знаю.

- Соскучился по выпивке?

ПОСЛЕДНЯЯ

- Нет. Я же обещал тебе. Уже не буду пить.

Он прошел в свою комнату, оделся и сказал:

- Пойду, подышу немного на бульваре.

- Будешь возвращаться, купи хлеб. Да, еще чеснок. Говорят, он убивает вирус.

На самом деле он был намерен не гулять на бульваре, а встретиться с Мамед Насиром. Нет, не выпивать. Он обещал Фирангиз, что больше не будет пить. По крайней мере, ближайшие месяцы-два. С Мамед Насиром они не встречались уже месяц как, а может и больше. Сон, приспавшийся ему ночью, никак не выходил у него из головы.

Мужик принципиально не покупает себе телефон. У него не только мобильного, но и домашнего телефона нет. Если хочешь с ним встретиться, надо к нему пойти. Если только он дома, то есть если он трезвый.

Шагая по улице, он то и дело встречал людей в масках. "Очень дисциплинированный у нас народ, - подумал он, - исполняет все, что говорят". Лица людей состоят только из глаз и рта. Интересно, можно узнать человека только по глазам? Почему-то он вдруг вспомнил женщин в чадрах из мусульманских стран. У них и так все лицо закрыто. Интересно, они тоже надевают маски? Поверх чадры или под ней? Он сам улыбнулся своему ходу мыслей.

Как только Заур вошел через двери "Топла гала", он почувствовал запах шапшыка. Вот уже долгое время как, будучи в Ичери шахэр, ему становилось неприятно от шапшычного запаха, распространяющегося вокруг. Зачем столько шапшычных? Интересно, шапшычники тоже надевают маску? А те, кто откусывают шапшык? Они как?

Он прошел мимо издательства, где работал когда-то много лет назад, в далекой молодости. Перед зданием с жалким видом сидел Зердаби. Вернее, сохранившийся еще с того времени, памятник Зердаби. Сейчас в этом здании нет никакого издательства. Здесь открыли ресторан. Зауру показалось, что Зердаби оставили здесь как смотрителя ресторана для того, чтобы он встречал и провожал приходящих сюда людей.

Он прошел мимо здания и зашагал по узкой улице вверх. Вот и двор Мамед Насира.

Он прошел через ворота во двор и замер. На стене дома Мамед Насира, на первом этаже его двухкомнатной квартиры было написано "Маркет". Он вошел в магазин. На прилавке уютного магазинчика были размещены разнообразные продукты.

Больше всего было развешено кошенильных сосисок, под которыми было написано "хялял".

Смуглый средних лет мужчина, увидев Заура, встал и поспешно надел маску. Он был косой. "Вот его можно узнать по глазам", - подумал Заур.

- Добро пожаловать, - сказал косой мужчина.

Заур не знал, как спросить, с чего начать.

- Я вас знаю, Заур бей, вы друг моего дяди. А я племянник дяди Насира. Меня зовут Ризван, - сказал продавец.

- А Мамед Насир сам... - хотел было начать разговор Заур, как продавец не дал ему договорить и продолжил:

- Покойный дядя много говорил о вас.

- Покойный!? Мамед Насир умер? - спросил Заур и замер.

- А вы не знали? Месяц, как он умер, - удивился Ризван.

Заур стоял растерянно. Почему-то ему казалось, что Мамед Насир вечный и никогда не умрет. Он даже вспомнил слова Фирангиз. "Боже мой. И Мамед Насир мог умереть", - подумал он.

Через некоторое время, придя в себя, сказал:

- Нет, конечно, я не слышал, - сказал он и пришлось соврать: - Я сам тоже болел долго, поэтому не знал.

- Клянусь Аллахом, я не потому говорю, что он был моим дядей, но он был очень добрым человеком. Этот дом он мне сам завещал. Ведь у него кроме меня никого не было. У меня в Нардарапе есть небольшой магазин. Я и его оставил, но подумал, давай, я и в городе открою магазинчик. Благородное дело. И дядя дуну порукою. Если захотите что-то купить, берите даром и деньги не нужны. Вот эти сосиски недавно привезли из Ирана, они кошенильные, "хялял". Сколько надо я заверну вам, - сказал Ризван и потянулся к сосискам.

- Нет, нет, у нас нет любителей сосисок. Аллах рэхмет элясин, - сказал Заур.

Он шел по пропитанным запахом шапшыка, столь родным и столь же чужим и отчужденным улицам Ичери шахэр и думал: "Нет, все же есть какая-то тайная сила, отправляющая послания в наши сны. Почему Мамед Насир пришел ко мне во сне именно в эту ночь? И словно какая-то сила позвала меня сюда и сказала: "Навести друга".

От мгноvenной мысли, пришедшей Зауру на ум, он насторожился. А может быть этот сон был каким-то предупреждением? Подаром Мамед Насир звал меня во сне...

Куда его звал Мамед Насир? На тот свет? Заур уже не верил в существование того света. Когда-то, в далекие молодые годы, он верил, что есть жизнь после смерти. Особенно после смерти родителей он утешал себя этим. Он верил, что обязательно встретится с ними в каком-то другом мире. Он сам себя убедил в существовании такого мира. Но как это может быть? Есть я, есть мои мысли, моя память, мои воспоминания и чувства. Как это все может пропасть в одночасье? Он успокаивал себя тем, что все это мгноvenно пропасть не может. Но однажды ему в голову пришла совершенно простая мысль и перепернула все его надежды.

ТАЙНА ТАХМИНЫ

Хорошо, а где ты был до того, как появился на свет? В ином мире? Конечно, нет. Ты же был в небытии, в пустоте. Ты появился из той темноты и пустоты в результате любви твоих родителей и однажды, рано или поздно, ты туда же и вернешься. В тихую, безмолвную, темную пустоту. Эта неожиданная мысль расстроила Заура. Получалось, что жизнь, конец которой катится в пустоту, не имеет никакого смысла. А такие выражения, как "надо после себя оставить какое-то дело" или "посади дерево, построй дом, роди детей", все это самоутешения, самообман и ничего больше. Если тебя не будет, какое тебе дело до того, что будет после тебя? Ты же этого не будешь знать. Но, видимо, человек не может жить без утешения, он должен обязательно что-то себе придумать для самоутешения. Заур тоже нашел это однажды и успокоился. Давай подумаем, что есть иной мир. Если он на самом деле есть, то это прекрасно, как говорят бабкины, "смирн". А если нет никакого иного мира, то ты после смерти об этом и не будешь знать. То есть ты не подвергнешься разрушению иллюзий, ты уйдешь из этого мира, не зная о существовании иного.

"О чем я думаю в этом возрасте, - упрекнул он себя, - все это, как говорят, "от восьмидесяти". Какое интересное выражение. Это понимаешь только тогда, когда тебе за 80. Все "от восьмидесяти" - все, что я знаю и все, что не знаю; все, что я приобрел и все, что я потерял... Да, хорошо я вспомнил, мне надо купить хлеб".

Он купил в магазине хлеб, испеченный в тандире. Фирангиз ест только этот хлеб.

Пришел домой. Зашел в лифт, нажал на кнопку шестого этажа и, когда лифт двинулся, он вспомнил, что не купил чеснок. Он захотел вернуться и купить чеснок в магазине под домом, но в это время лифт остановился на их этаже и двери открылись. Ему стало лень еще раз возвращаться. "Ничего, вирусы без чеснока проживут на день больше".

Он также подумал о том, что в последнее время, думая о вирусах, он считает их сознательными существами и ему кажется, что они сознательно решили, уничтожить население, овладеть планетой, и сейчас они осуществляют это свое решение.

- Звонил Спартак. Хочет с тобой встретиться, - сказала Фирангиз.

- С чего это...

- Не знаю. Сказал, есть нечто важное, что надо сказать Зауру.

- Если есть что сказать, пусть сам придет к нам.

- Я сказала, а он сказал, что немного нездоров.

- Что случилось? Может, и он...

Фирангиз прервала Заура:

- Не дай бог. Что, не знаешь Спартака? Он же изнеженный постоянно.

Чуть что говорит, наверно "антология". Он же такой циничный.

- А что же случилось?

- Не знаю, но он очень просил, чтобы ты пошел к нему сегодня.

Заур хотел было уже переселиться, но остановился.

- Тогда может прямо сейчас пойти?

Вечером футбол, мы играем с Венгрий, хочу дома посмотреть.

- Поспешь сначала, потом пойдешь. Я сварила голубцы. Ты ведь любишь голубцы.

Заур сел за стол. Фирангиз принесла обед и положила в тарелку.

- Ты думаешь, там Халабаджи тебя чем-то угостит? Э-эх.

Ту, которую она называла Халабаджи, звали Гызбэс. Третья жена Спартака. С первой женой он развелся, вторая - Тамара умерла от рака. За два года до смерти она привезла из района родившую Гызбэс, чтобы та обслуживала их. Как только исполнился год со дня смерти Тамары, Спартак женился на Гызбэс, которая была на 30 лет младше него. Фирангиз никак не могла простить этого своему брату. "Посмотри, на ком он женился после несчастной Тамары, на деревенщине, на служанке, на "халабасы". В то время Спартак, жалуюсь на такое поведение сестры, излил душу Зауру. То, что он не мог сказать Фирангиз, высказал своему зятю.

"У меня было столько женщин, любовниц, сколько волос на голове. И каждая была краше другой. А сейчас, в таком возрасте мне нужна не женщина, а жена..."

Он никак не мог объяснить Зауру, что жена это одно, а женщина - другое.

С годами отношение Фирангиз к Гызбэс ничуть не менялось.

Заур также вспоминал, что ведь за эти долгие годы характер самой Фирангиз тоже очень изменился, как будто она стала совсем другим человеком. Раньше, в далекие годы их молодости, когда они только поженились, Фирангиз была такая молчаливая, если кто-то заговаривал с ней, она краснела, словно не находила, что сказать. А сейчас, махаллах, она болтает все подряд. Да ладно...

Хотя и не был голодным, он с удовольствием съел вкусную долму, приготовленную Фирангиз.

Спартак лежал в постели. Гызбэс расстелила постель для мужа не на кровати в спальне, а на широком диване в столовой. Спартак был в пижаме цвета гвоздики.

Заур вошел в маске.

- Сними ты эту дрянь, - сказал он, - надо же, мы теперь тоскуем по тому, чтобы увидеть человеческое лицо.

Предположения Фирангиз не оправдались...

- Заур гардап, я приготовила вкусное питье. Принесу вам тарелочку, - сказала Гызбэс.

- Спасибо, - сказал Заур. Он почему-то стеснялся произносить ее имя. С одной стороны, он боялся, что вдруг он ошибется и назовет ее тем именем, которым назвала ее Фирангиз. С другой стороны, Зауру казалось, что хотя ее и зовут Гызбэс, если ее назвать по имени (или Гызбэс ханум, Гызбэс баджы), она обидится. Получается, что оскорбляешь ее, то есть говоришь "достаточно", "хватит", больше не хотим девочку (так переводится слово гызбэс). Что теперь делать, если, отец назвал ее так после пяти дочерей.

- Не хочет есть, принеси ему чай! - сказал Спартак в приказном тоне.

- Слушаюсь! Спартак муаллим! С вареньем будете пить? Слово "будете" во множественном числе относилось только к одному Спартаку. Заур знал, что Гызбэс до сих пор обращается к мужу на вы. Он еле сдержался, чтобы не засмеяться. "Муаллим", "вы", интересно, она в постели тоже к нему обращается на "вы" и "муаллим"?

- Как ты относишься к 100 граммам? - спросил Заура Спартак.

- Нет. Я не пью. Обещал Фирангиз.

- Да ну, Фира откуда будет знать. У меня есть отличный коньяк. Настоящий французский коньяк.

- Нет. Я попою чай. Фира сказала, что ты мне хочешь сказать что-то важное.

- Скажу, не торопись. Тогда позволю мне немного выпить. А то разговор не получится.

- Ты же болен. Врачи разрешают пить?

- А кто их слушается?

Спартак налил в бокал виски.

- Принеси лед, - окликнул он Гызбэс, - и закуски принеси.

Гызбэс все принесла и села за стол.

- Кака Фирангиз баджы? - спросила она.

- Спасибо. Хорошо. Привет передавала.

Спартак бросил в бокал три куса льда и обратился к Гызбэс:

- Ты иди, мне надо с Зауром поговорить.

Гызбэс тут же вышла из комнаты.

- Давай! - сказал Спартак и разом выпил виски.

- Фира сказала, что ты болен, но я смотрю, ты не отстанешь от своих развлечений.

- Это уже мое последнее развлечение, Заур, - сказал Спартак и, словно куда-то спеша, снова наполнил бокал до краев и залпом выпил.

- Знаешь, Заур, - сказал он, - я доволен своей жизнью. Все было у меня в жизни. И хорошие и плохие дни были.

Я был с самыми красивыми женщинами, были любовные приключения и так далее, я имел самые модные машины. Я всегда был при деньгах, у меня были состоятельные друзья, товарищи.

Я всегда одевался со вкусом. Я видел все стороны жизни. Я и в тюрьме сидел, спал прямо у парани, оставался в пятиэтажных отелях крупных городов, играл в известное казино, выигрывал и проигрывал. Что говорить, ты это все знаешь. То есть знаешь какую-то часть, но не все, конечно. Всего никто не знает. Если б смог прожить уже прожитую жизнь снова, даже с тюрьмой. Если б все то, что было в прошлом, было бы в будущем. Если бы...

У него задрожал голос, он был расстроен.

- Что с тобой случилось? - спросил Заур, - у тебя еще целая жизнь впереди.

Спартак рассмеялся хрилым смехом.

- Откуда?! В 81 год? "Вся жизнь впереди", если бы я мог сказать это предложение, все богатства мира я променял бы на это - Эх, Заур, что ты видел в этой жизни?

- Ты позвал меня, чтобы обсудить мою жизнь?

Нет, не обижайся. Хотя ты и мой дед, я до сих пор не знаю, как ты ко мне относишься. А я тебя люблю. Правда. Твое умение себя вести, благородность. Наши мужчины не говорят такое, но я скажу: "Моей сестре повезло".

Заур промолчал.

Спартак в третий раз наполнил бокал.

- Я пью это за твоё здоровье, - сказал он, выпил бокал виски и закинул в рот одну фисташку.

- Помнишь как ты мне дал пощечину? - спросил он, - да? Помнишь? - повторил он с назойливостью пьяного человека. - Боже, когда это было...

- Зачем ты это вспоминаешь? Смотри сколько времени прошло с тех пор. Сколько всего произошло за это время...

→ 5

- Пет, не зря я вспоминаю. Три дня тому назад я был у врача. В последнее время что-то происходит с моей памятью. Иногда забываю самые обычные слова. Словно слова убегают и прячутся от меня. Врач, мой старый друг, меня как следует обследовал. Как-то называют это, чскап что ли. Выяснилось, что...

Заур забеспокоился. Если даже врач сказал ему, что ты стал тупым, он подумал, что у него рак, но от него скрывают.

- Знаешь, что сказал врач?

- Что?

- Сказал, у тебя начинается болезнь Альцгеймера. И что это никак невозможно предотвратить. Знаешь, что такое Альцгеймер?

- Кажется, потеря памяти. По-моему, Рейган страдал этой болезнью.

- Да. Память пропадает не сразу, а постепенно. Я иногда, смотришь, не могу вспомнить какое-то слово. Что у тебя было на лице, когда ты вошел?

- Что? Маска?

- Да. Вот это слово вдруг выскочило у меня из памяти.

- Это ты забыл не от болезни, а от воздействия виски.

- Нет, Заур. Не до шуток. Это очень серьезный разговор. Очень серьезный. Врач сказал, что через два-три месяца я и имя свое забуду.

Заур не знал, что сказать.

- Там, на столе есть сигареты, куришь? И мне дай одну, - сказал Спартак и поджег зажигалкой обе сигареты.

Я очень много раз грешил в жизни, Заур. Правда, я никому не делал ничего плохого. Но бывало, когда женщины из-за меня разводились, разрушались их семьи, - начал разговор Спартак.

Поняв в сознании, куда ведет этот разговор, Заур захотел сменить тему.

- Как твои внуки? Расскажи лучше о них.

- Я иногда забываю даже имена внуков. Но это другой разговор. Пока я совсем не лишился памяти, хочу открыть тебе одну тайну. Потому что она может просто затеряться в моем беспмятстве. Прости меня, Заур.

- За что я тебя должен простить?

Спартак на миг замолчал, глубоко затянулся сигаретой и тихо сказал:

- Из-за Тахмины.

Все годы, что они жили как родственники, каждый раз, когда они оставались один на один, Заур всегда переживал, что Спартак когда-то может начать этот разговор.

Снова наступила тяжкая, полная беспокоества и тревоги тишина. Потом...

- Ты хорошо помнишь тот день? - спросил Спартак.

- Какой день?

- Не притворяйся. Ты очень хорошо знаешь, о каком дне я говорю. Тот день, когда ты мне дал пощечину.

- Хочешь мне ответить? - Заур снова захотел перейти на шуточную нотку. Но Спартак продолжал абсолютно серьезно:

- В тот день мы с Тахминой ехали с моей дачи. По дороге встретили тебя. Дальше тоже напомнить тебе?

- Не надо, - сказал Заур, - я помню.

В один миг, как сквозь туман далеких лет, выскользнула и появилась перед глазами та сцена. Каждый час, каждая минута того дня навсегда вписались в память Заура.

- Хорошо, предположим, я все помню, ну и что? - сказал Заур.

В отличие от предыдущего разговора, когда он говорил все невпопад, Спартак отчетливо, спокойно и ясно произнес по-одному каждое слово.

- А то, - сказал он, - что ни в тот день, ни до этого и ни после между мной и Тахминой ничего не было. Знаешь, да, в каком смысле я говорю?

Заур словно замер.

Спартак потушил окурочек об пепельницу.

- Что скрывать, - сказал он, - она мне очень нравилась. Я хотел ее. Это разве грех? А? Это грех? - повторил он с назойливостью пьяного.

Заур, не желая продолжить разговор, ничего больше не сказав, хотел встать и уйти. Спартак, словно почувствовав это, сказал:

- Пет, подожди, не уходи. Ты должен знать все. Однажды она мне позволила. Мне плохо, - сказала она, - давай встретимся.

Я не знал, что делать от радости. Первый раз Тахмина сама приглашала меня на свидание.

- Сейчас иду, - сказала я.

- Нет, нет, - сказала она торопливо, - приезжай на машине, поедем за город, на берег моря. Назвала какое-то точное место в Пиринеях, захотела, чтобы я туда поехал. Она молчала. Я сам спросил про тебя. "Мы расстались", - сказала она. Но сколько бы я ни спрашивал, она так и не сказала причину. Мы доскакали до берега моря. Она вышла из машины.

- Ты оставайся здесь, - сказала она мне, а сама долго разгуливала по берегу моря. А потом пришла и сказала:

- Поехали.

- Куда? В город? - спросил я. Я ничего не понимал.

- Нет. Сначала поедем к вам на дачу, - сказала она.

- Я очень удивился, Заур, что скрывать, когда она по телефону позвала меня на встречу, и потом, когда она сообщила, что вы расстались, мне показалось, что Тахмина хочет со мной отношений. Где-то в душе даже я приготовил несколько торжественных предложений по поводу неверности женщин.

Когда она предложила поехать к нам на дачу, я еще больше обнадежился. В общем, мы приехали на дачу.

По мере того, как Спартак говорил, Заур испытывал какие-то непонятные ему самому чувства. Прошло столько лет. Казалось, что все забылось, завяло, потухло, стерлось из жизни. Вот уже долгие годы он жил в другой жизни, в

которой не было и следа от прошлого. Но вот сейчас, когда Спартак детально вспоминал тот самый злопамятный день, Заур с давно забытым волнением, трепетом и истерикой ждал продолжения разговора.

- Мы зашли на дачу. Поднялись на второй этаж. Она стояла на балконе, молчала и долго смотрела куда-то в даль. Я стоял как вкопанный. Зачем она меня сюда притащила? Может быть, она ждала с моей стороны какую-то инициативу?

Спартак замолчал, налил в бокал виски, но не выпил.

- Прости меня, Заур, - сказал он, - я знаю, какие трепетные, романтические чувства ты к ней питал.

- Но я тогда не был романтиком, - сказал Спартак и улыбнулся.

- Честно говоря, я и сейчас не романтик. Но, клинусь Аллахом, я был не такой плохой человек, как ты думал. Извини, конечно, но я должен это тоже сказать. Я подошел к ней, схватил ее за плечи и приблизил к себе, но она выскользнула из моих объятий. Она даже

ти к детям с таким настроением? Как он объяснил бы им то, что не мог понять всю жизнь? Может снова вернуться к Спартаку? Нет это тоже было невозможно... Единственный выход был в том, чтобы во что бы то ни стало подняться в свою квартиру. На шесть этажей выше того места, где он стоял, его ждали последние жизненные утешения, последнее успокоение, последняя поддержка. Он должен был медленно подниматься. Может быть, это было последнее испытание Заура, последний его долг, который он должен был вернуть. Он начал шаг за шагом подниматься по лестницам. Он медленно дошел до второго этажа и, запыхавшись, остановился. Отдышался. Потом, через пять минут, запыхавшись еще больше, он поднялся на третий этаж. Здесь он вынужден был остановиться надолго. Потом снова стал подниматься. А вот и четвертый этаж. Осталось совсем немного. Он задыхался. Еще один шаг...

31 октября 2021 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ТАХМИНЫ

От автора

Есть необходимость написать послесловие к прощальному рассказу, прошлым моим персонажам. Как-то, - когда я выходил с какого-то мероприятия, ко мне подошли двое молодых людей. Парень и девушка. Они были то ли обручены, то ли женаты. Не знаю.

- Можно вам задать вопрос? - спросил парень

- Можно, - ответил я.

- Пожалуйста, ты отойди, - сказал он, взял девушку за руку и отшел немного подальше, а потом:

- Пожалуйста, не обижайтесь, я хочу спросить у вас одну вещь, - сказал он, - на той даче между Спартаком и Тахминой что-то было? Понимаете ли в каком смысле? - спросил он.

Я посмотрел на чистейшие глаза парня. Он ждал ответа.

- Нет, - сказал я, - конечно, ничего не было.

- Спасибо большое! - сказал он радостно и направился к девушке со словами: "Видишь! Что я говорил?"

С того дня прошло достаточно много времени. Однажды я увидел во сне Тахмину. Тахмина была той самой девушкой (жена или невеста) того парня, задавшего мне вопрос.

- Ведь на мне до сих пор так и висит это подозрение, - сказала она, - может, и до читателей доведешь то, что ты сказал тому парню.

Я проснулся утром и написал этот рассказ.

Перевод Тараны МЕММЕД